

СИТУАЦИЯ

Суходом из музеев полицейской охраны расходы на безопасность учреждений возрастут в разы.

Произведения искусства в опасности

С 1 НОЯБРЯ ПОЛИЦИЯ ПРЕКРАЩАЕТ НЕСТИ СЛУЖБУ В МУЗЕЯХ

Недавние события снова напомнили о беззащитности произведений искусства — речь о погроме, который устроила 14 августа в московском Манеже на выставке «Скульптура, которую мы не видим» группа хулиганов, называющих себя православными активистами.

ПОСТРАДАЛИ произведения искусства, в том числе работы известного скульптора Вадима Сидура. Смотровые залы в зале были страшно напуганы. Как известно, ими в музеях обычно работают женщины пенсионного возраста. Зарплата — мизерная. Полиции в Манеже нет. Есть только частная служба охраны, сотрудники которой весьма ограничены в правах по пресечению подобных действий.

Между тем стало известно, что с 1 ноября полиция прекращает нести службу в музеях — по инициативе МВД, вызванной оптимизацией расходов и сокращением штатов.

В связи с этим директор Эрмитажа и президент Союза музеев России Михаил Пиотровский выступил с заявлением, опубликованным 17 августа, в котором, в частности, говорится: «Мы предлагаем музеям России срочно провести учения по защите режима работы экспозиций собственными силами с учетом того, что с ноября сего года полиция прекращает физическую охрану музеев. Союз музеев России начинает юридические консультации по выработке законодательных инициатив, которые обеспечат учреждения культуры серьезную защиту от нападения и правильную квалификацию преступных актов».

Крупные музеи Петербурга — прежде всего Эрмитаж и Русский музей, где существует собственная служба безопасности, находятся все же в более выгодном положении, чем маленькие. Но дело в том, что, в отличие от полицейских, сотрудники частных охранных служб весьма ограничены в правах. По сути и них есть только право призывать нарушителей к порядку, а в случае агрессии по отношению к посетителям или произведениям искусства — вызывать полицию. Если же охранники применят силу, их потом могут обвинить в превышении полномочий и даже отдать под суд.

Кроме того, есть еще одна проблема: стоимость услуг, предоставляемых частными охранными предприятиями, значительно выше, чем у полиции.

Как сказала директор ГМЗ «Петергоф» Елена Кальницкая, частные охранники, которыми придется заменять полицию, обойдутся музею в несколько раз дороже.

В службе безопасности Русского музея сейчас заняты 600 человек. В это число входит довольно большой штат смотрительниц, которые следят за порядком в залах. Есть и штат охранников. Кроме того, музей охраняет полк полиции. Пока.

Напомним, что последнее крупное преступление произошло в музее в 1999 году. В тот раз преступники проникли в музей, разбив окно, и похитили две картины, в том числе знаменитую работу Василия Перова «Гитарист-бобыль». Тогда случилась трагедия: преступники убили охранников.

Руководители российских музеев выступают резко против намерения снять полицейскую охрану. Их поддерживает и власть, в частности министр культуры РФ Владимир Мединский.

Елена Максасова, член комитета ГД по культуре, комментируя разгром выставки в Манеже в эфире «Русской службы новостей», высказалась о необходимости обезопасить произведения искусства от хулиганов. Для этого, по ее словам, необходимо усовершенствовать законодательство в этой сфере.

Подготовила Мишель ЧАПЛИНА, фото Интерпресс

О проблемах охраны музеев читайте в пятничном номере «ВП».

Плавающие острова уходят в небытие

НА ГИДРОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАКАЗНИК «БОЛОТО ЛАММИН-СУО» НАСТУПАЮТ ОТДЫХАЮЩИЕ

Напомним читателям: «Болото Ламмин-Суо» — региональный гидрологический (болотный) заказник площадью 380 гектаров. Красивое и необычное название его переводится с финского как «озерное болото». Заказник — уникальный. Во-первых, потому что в России болотных охранных мест вообще остались единицы. Во-вторых, потому что само болото (длиной 2 километра и шириной километр) имеет внутри себя три чистейших озера, расположенных по краям. То есть у этих озер есть только один берег-суша. Самое маленькое расположено отдельно. Два озера побольше, названные в обиходе Двумя Сестрами, разделены перешейком.

ОСТРОВКИ УХОДЯТ НАВСЕГДА

Эти озера имеют плавающие островки — небольших размеров, покрытые мхом, клюквой и даже кустарником и маленькими деревцами. Островки мигрируют по водной глади озера. Пейзаж потрясающий. Но с каждым годом островков на большем из озер — так называемом Купальном (доступ сюда преграждают таблички, забора нет) — становилось все меньше и меньше. Из-за людей-дикарей. Граждане забивались на островки (или запускали на них собак), вытаптывали растительность, а затем вообще переворачивали, превращая их в темные безжизненные торфяные кляксы. Такая клякса через какое-то время уходила на дно, от чудесного островка оставалось одно воспоминание. Автор этих строк видела, как, например, за пару лет исчез островок, на котором радовали глаз клюквы и молоденькие сосна и береза. В конце концов осталась только ровная озерная гладь.

Мы с Натальей Михайловной Селянской, начальником Зеленогорской полевой экспериментальной базы Государственного гидрологического института (база находится на территории заказника, и ей уже 65 лет), идем по деревянным мосткам через болото. (Мостки, к слову, давно нуждаются в замене, а удалось заменить лишь некоторые их куски. На большее нет денег.)

На глади Купального озера — ни одного зеленого пятнышка-островка. Погибли от вмешательства человека все.

Шансы, что островки появятся снова, — невелики. Для их образования нужны определенные природные условия, а просто отодранный от берега кусок дна в озерно-болотной воде не выживет.

Сотрудники станции как-то исследовали озеро с помощью эхолота и обнаружили многочисленные торфяные линзы, часть из которых, возможно, была когда-то зелеными островками. Теперь линз стало больше, а живых островков не стало вовсе.

Правда, островки еще остались на меньшем из Двух Сестер озере — так называемом Питвеевом. Питвеевом — потому что здесь стоит водозабор, и сотрудники станции берут отсюда воду для бытовых нужд. Питвеевое озеро подходит вплотную к зданиям экспериментальной базы, находится на огражденной территории. Но все равно сюда то и дело проникают несознательные граждане, которым плевать на природу, и на то, что из озера берут питьевую воду.

Есть три вида болот — верховые, низинные и переходные. Смертельно опасные трясина — на низинных болотах. Болото Ламмин-Суо относится к верховым болотам, и только небольшая его часть — к переходным (то есть где действительно может засосать). Но то, что болото — верховое, как раз и привлекает сборщиков ягод.

Жесткое вмешательство человека-дикаря постоянно испытывает на себе региональный гидрологический заказник, расположенный в Выборгском районе Ленинградской области, за Зеленогорском. «ВП» неоднократно поднимал тему бедственного положения заказника (см. номера за 5 августа 2014 г., 11 октября 2013 г.). С каждым годом антропогенный фактор влияет все сильнее. В этом году заказник полностью лишился своей гордости — плавающих островков, расположенных на самом большом из его трех озер.

КВАДРОЦИКЛЫ И СБОРЩИКИ КЛЮКВЫ ГУБЯТ БОЛОТО-ЗАКАЗНИК

От вмешательства человека страдают не только плавающие островки. Болотную растительность (в том числе совершенно уникальные виды, включая роснику — растение-хищник) вытаптывают сборщики клюквы, которые местами протоптали на запретной территории целые дороги (чтобы такой зарости, нужно не одно десятилетие полного покоя). Причем сбор клюквы у граждан начинается уже числа с 10 августа (собирают зеленую и потом подкрашивают на продажу марганцовкой). Граждане, видимо, не обучены грамоте, ибо везде стоят предупреждающие щиты о том, что территорию болота можно посещать только при устойчивом снежном покрове, ко-

торый защищает растительность. По сути, люди пользуются тем, что у заказника нет вооруженной охраны и собаками охраны, а немногочисленный коллектив станции не может быть в ста местах одновременно. К тому же сотрудники прежде всего должны выполнять свои прямые обязанности — несколько раз в день снимать показания с более чем пятидесяти точек наблюдения. Конечно, завидев пришельцев, они обязательно подходят, в миллион первый раз разъяряются. Кто-то понимает, кто-то нет. Можно нарваться и на цензурную брань, и на прямые угрозы.

Люди не хотят понять, что нам не клюквы жалко. Уникальную растительность они губят. А в этом сезоне у нас еще новая беда: букваль-

но на днях видела, как два квадрацикла въехали в болото. Одним колесом ехали по мосткам, другим по болоту. Я сфотографировала номера, отослала в Дирекцию особо охраняемых природных территорий. Не знаю, какие меры были приняты к нарушителям. Вот какие следы от колес оставлены, — показывает Наталия Селянская на глубокие борозды в болотной гати.

На фоне такого неуважения к природе уже можно и не упоминать мусор, который оставляют за собой отдыхающие. И который опять-таки убирают сотрудники заказника. Просто потому, что не могут пройти мимо.

Единственные отдыхающие, не наносящие вреда природе, — это рыбаки. Сюда они вообще не заглядывают (только если новичок — по незнанию). Причина — в составе воды озер. Она повышенной кислотности, и рыба в ней не выживает. При советской власти пытались запустить в озера карасей, да те не выжили. Так что ловить в озерах в буквальном смысле слов нечего.

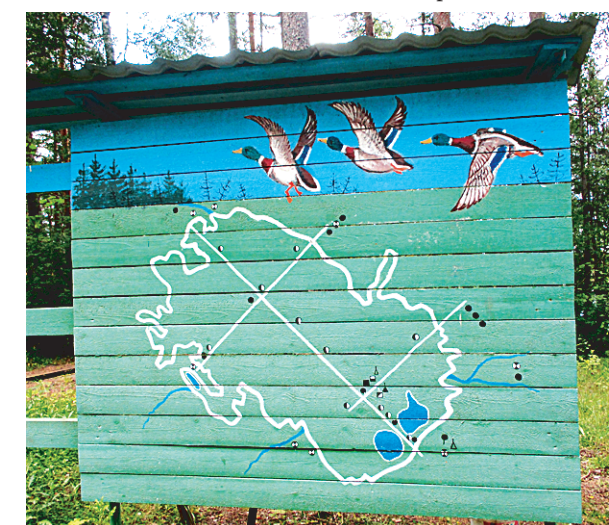
НА 5 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ ЖЕЛАЮЩИХ РАБОТАТЬ НАЙТИ ТРУДНО

Сотрудники станции, проводя наблюдения, отслеживают, как в зависимости от погоды колеблется уровень болота, как идут испарения, что происходит с торфяниками и прочее. Эти

В этом году в связи с дождливой погодой болото делает много «вдохов», то есть его уровень повышается. «Выдох» для болота — когда осадков нет и уровень снижается.

На так называемом Питвеевом озере плавающие островки, хоть и не такие зеленые, сохранились. Пока сохранились. Но и сюда норовят пробраться отдыхающие.

Карта заказника.

данные необходимы не только для науки, но и для сугубо утилитарных целей. В том числе для проектирования новых коммуникаций, дорог, газопроводов, линий электропередачи, проходящих через болото.

Вот только материальное оснащение станции оставляет желать лучшего. Большинство оборудования — вышедшее виды, а некоторое и вовсе настолько древнее, что восстановлению не подлежит. Например, раньше, еще в годы советской власти, здесь проводились наблюдения за солнцем (на болоте установлена метеоплощадка), теперь это невозможно: приборы давным-давно вышли из строя. А новых не дают.

Да что там наблюдения за солнцем, когда с самым важным оборудованием для исследования состояния болота — и то проблемы. Так, нуждаются в постоянном обновлении специальные, больших размеров термометры, которыми измеряют температуру на различных глубинах.

О том, что раньше болото освещалось, напоминают лишь покосившиеся столбы с обрывками проводов.

И зарплаты на станции символические. У рядовых сотрудников оклады по 5 тысяч рублей. На такие деньги найти кого-то крайне сложно. Особенно если учесть, что работа тяжелая, наблюдения приходится проводить в любую погоду, а значит, пробираться и по обледеневшим мосткам и прыгать с кочки на кочку — и в дождь, и в снег.

Как пояснила Наталия Селянская, станция — федерального подчинения и не получает дотаций ни от города, ни от области. Так что рассчитывать на приличную зарплату не приходится.

Ну а к ярким событиям этого года можно отнести появление на окраине болота нескольких совершенно необычных для этого места фиолетовых цветов, внешне похожих на гиацинты. И еще в этом году однажды на Питвеевом озере останавливалась на ночевку стая белых лебедей. Завораживающее зрелище, такое случается раз в несколько лет.

Татьяна ТЮМЕНЕВА, фото автора